

ЛАТЫШСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ (XIX–XX вв.)

Территория современной Латвии вошла в состав Российской империи в XVIII в. в результате Северной войны и разделов Польши: Лифляндия в 1710 г., Латгалия в 1772 г. и Курляндия в 1795 г. Латвийский историк Янис Зутис так характеризовал этот период ее истории: «В истории Прибалтики XVIII столетие, само по себе взятое, представляет малоотрадное явление. “Век просвещения” оказался для латышских и эстонских народных масс, особенно для крестьянства, эпохой крепостного рабства и крайним пределом экономической, нравственной, культурной и даже физической деградации»¹.

Крестьяне пытались бежать от немецких баронов в Польшу и Белоруссию. Поэтому властям приходилось постоянно беспокоиться о возвращении беглецов. 16 июня 1782 г. Сенат издал распоряжение «о высылке из Белоруссии бежавших туда из Лифляндии и других российских губерний после присоединения сей области к России и о непринимании впредь таковых беглецов»².

Следует отметить, что самовольное массовое переселение сельских жителей во время крепостного права даже в пределах Латвии не было возможным. Переселение крестьян происходило, во-первых, как тайное бегство от господ (в основном в пределах Латвии), а во-вторых – в результате высылки участников крестьянских выступлений (преимущественно вне Латвии). Кроме того, помещики могли переселять своих крепостных (в том числе и вновь купленных) в города, другие поместья или в колонии за пределами Латвии. Более или менее компактные места поселения латышей в России XVI–XVIII вв. в настоящее время неизвестны.

Имеются сведения о селе Рыжково в Сибири со смешанным уже в начале XIX в. финским, латышским, эстонским и немецким населением. Село было основано в 1802 г. Жителями его были главным образом люди, сосланные в «землю возмездия» за участие в крестьянских бунтах, за уклонение от рекрутской повинности и т. п. В 1803 г. в Рыжково, где имели право жить лица евангелического лютеранского

¹ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 626.

² Там же. С. 526.

вероисповедания, доставили и участников крестьянского бунта в Каугури.

Сведения о начале переселенческого движения латышей находим в работе Э. Г. Истоминой, где сообщается следующее: «Переселение в Новгородскую губернию прибалтийских и петербургских колонистов началось в 1822 г. Почти всем им предоставлялись земли на территории военных поселений. В первые годы колонисты получали некоторые льготы, но впоследствии они должны были, помимо уплаты различных государственных податей, платить также и оброк в ведомство военных поселений. В 1835 г. из петербургских колоний было переселено 31 семейство латышей, которых разместили в селениях Горелово, Николаевское и Александровское Новгородского уезда. В 1836 г. в Новгородскую губернию прибыла еще одна партия переселенцев – 51 семейство... Местом их поселения стала Николаевская колония»³.

Латвийский историк Хенрик Стродс считает, что основных легальных этапов переселения латышей в Россию было пять⁴.

Важным поводом к переселению первой волны послужил уход 2530 евреев из Курляндской губернии в Херсонскую. Проходя через Курляндскую губернию и Латгалию, они рассказывали местным крестьянам о плодородных землях в южных губерниях России.

Один из прибалтийских помещиков в письме министру внутренних дел вынужден был признать крайне бедственное положение латышских крестьян. «Желудок крестьян, – писал он, – постоянно набивается мякиной вместо хлеба, а сами они ходят полунагие и полубосые»⁵.

Крестьянские волнения, начавшиеся в 1841 г. и захватившие Лифляндскую губернию, вылились в переселенческое движение. Со всех сторон губернии латыши и эстонцы направлялись в Ригу, требуя паспорта для переселения в южные губернии⁶.

Вскоре после этого возникло движение за «переход в православие, оно объяснялось подстрекательством православных священников»⁷. После призыва «с царской верой за землю и волю» крестьяне Лифляндской и Витебской губерний стали в массовом порядке «переписываться» в православное вероисповедание и пытались переселяться в юго-восточные губернии России, в «теплые страны» – в Самарскую и Саратовскую губернии.

По мнению Хенрика Стродса, главной причиной переселения была нехватка хлеба⁸. Крестьяне говорили, что они живут в

³ Истомина Э. Г. Границы, население, города Новгородской губернии. Л., 1972. С. 67.

⁴ Strods H. Latviesli zemnieku parcelsanas sakumi uz Krieviju 19. gs. 40–60. godas // Latvijas Vesture. 1996. Nr. 4. 10–12 lpp.

⁵ Козин М. И. Латышская деревня в 50–70-е годы XIX века. Рига, 1976. С. 32.

⁶ Козин М. И. Указ соч. С. 33.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 114. Л. 31–37.

непосильном иге у помещиков, что «лучше умереть на чужбине, чем голодать на родине»⁹.

Вторая волна началась весной 1847 г., когда многие латышские крестьяне ломали двери, окна и заборы своих жилищ и большими группами отправлялись «в теплые страны» с надеждой получить там землю и хлеб.

Для предотвращения отъезда крестьян из Лифляндии 11 апреля 1847 г., по распоряжению Николая I, в Псков был командирован флигель-адъютант полковник Демидов, чтобы «наказать отщепенцев». Предполагалось использовать также войска. Из донесения жандармского офицера Щербачева в штаб корпуса явствует, что в первой группе было около 60 переселенцев.

Третья волна переселения относится к 1853–1854 гг. Юридически переселение считалось легальным, ибо согласно лифляндскому закону от 1849 г. крестьянам разрешалось менять место жительства. Движение было вызвано, главным образом, тяжелым экономическим положением батраков, многие из которых потеряли доход вследствие перевода с барщины на работу по свободным договорам.

По данным жандармерии, причиной переселения в 1853 г. явилось письмо лифляндского крестьянина Зариньша коменданту города Ейска на Азовском море полковнику Чередееву о желании его семьи и еще 14 семей переселиться в Ейск. Положительный ответ полковника Чередеева Зариньшу и мещанину из г. Якобштадт Г. Круглову был переведен на латышский язык и распространен в деревнях. Это способствовало активизации переселенческого движения.

О четвертой волне миграции известно следующее: «В феврале 1860 г. помещик Сиверс, владелец имения Ряпина (Раппин), с тревогой сообщил Лифляндской ландратской коллегии, что в 1859 г. в день святого Якова многие крестьяне Ряпинской волости заявили о своем выходе из сельского общества с целью переселения в Саратовскую и Самарскую губернии» <...> По словам Сиверса, «стремление к переселению, как и в прошлые годы, вылилось в горячку, и целые селения живут мыслью в ближайшие годы последовать за уже переселившимися»¹⁰.

Губернатор и дворяне были обеспокоены тем, что «в отдельных поместьях заявления на переселение получены почти от всех крестьян», к тому же переселиться готовятся трудоспособные крестьяне и большей частью семьями. Земля останется необитаемой «до тех пор, пока у нас не появится возможность заменить уходящее население колонистами из-за границы»¹¹.

Стараясь ограничить ожидаемое массовое переселение, помещики сумели заполучить поддержку генерал-губернатора князя А. А. Суворова. 2 марта 1860 г. губернатор обязал все волостные суды Лифляндской

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 114. Л. 46–49, 51–55, 68–69.

¹⁰ Козин М. И. Указ соч. С. 67.

¹¹ Strods H. Latviesli zemnieku ... 11 lpp.

губернии строго соблюдать ограничение переселения и выступить против него, если оно может угрожать безопасности губернии¹². М. Козин сообщает, что министр государственных имуществ М. Муравьев все-таки «разрешил переселиться из Лифляндии в Самарскую губернию 500 семьям, но не больше»¹³.

Пятой волной переселения историки называют период 1863–1865 гг., когда Кришьян Валдемар¹⁴, один из руководителей движения так называемых «младолатышей»¹⁵, организовал массовый переезд крестьян из Курляндской губернии в Новгородскую. Главной причиной переселения было тяжелое социальное и экономическое положение крестьян, вследствие гнета немецких феодалов.

На невыносимость своего положения крестьяне неоднократно указывали в своих многочисленных жалобах местным властям. Батраки имения Тиши писали: «На нас, бедных людей, налагают так много работы, что это превышает все человеческие силы, а также на наших жен, которые отработывают по 45 дней в имении, причем на их состояние не обращают внимания. Осенью мы имеем из двух суток только одну ночь свободной и все это время беспрерывно должны оставаться на ногах, обмолачивая [хлеб] в ригах»¹⁶. Батраки получали оплату в основном в виде выделения небольшого клочка земли, который они обрабатывали на помещичьем поле в свободное от работы время.

Подобные жалобы поступали и от батраков имения Ульмале Айзпутского уезда Курляндской губернии. «Мы, батраки частного имения Ульмале, получаем около 6 1/2 лофштелей земли, очень плохой земли, почти чистого песка...; за это мы должны работать на мызе. Каждый батрак должен отработать на мызе 25 недель, а жена батрака летом 30 дней и, кроме того, 25 дней за деньги, получая за день только 10 копеек серебром, при этом на собственных харчах... Три ночи на неделе надо молотить хлеб. Если же в имении Ульмале нет работы, то мы должны идти в соседнее имение помещика и там работать»¹⁷.

Реформа 1816–1819 гг. не принесла крестьянам освобождения от немецких феодалов. Крестьяне были признаны лично свободными людьми, но свобода их передвижения и выбора рода занятий ограничивалась – перемена места жительства допускалась лишь с разрешения

¹² *Strods H. Latviesli zemnieku ...* 11 lpp.

¹³ *Козин М. И.* Указ. соч. С. 73–74.

¹⁴ *Кришьян Валдемар (Krišjānis Valdemārs)*, также Кристиан Валдемар, Христиан Мартынович Валдемар, род. 2 дек. 1825 г., умер в Москве 7 декабря 1891 г. Писатель, фольклорист и просветитель, духовный лидер движения младолатышей и латышского национального возрождения.

¹⁵ Младолатыши – участники национально-либерального движения в Латвии в 50–60-х гг. XIX в. Выступали против остатков крепостничества и засилья немецко-балтийского дворянства, за экономическую самостоятельность и развитие национальной культуры, ориентировались на Россию. Лидеры: К. Барон, К. Биезбардис, К. Валдемар.

¹⁶ *Козин М. И.* Указ. соч. С. 54.

¹⁷ *Козин М. И.* Указ. соч. С. 54.

помещика. Угнетение латышских крестьян немецкими баронами продолжалось еще сорок лет.

Отмена крепостного права в России нашла отклик и в Прибалтике. Скрыть изменения, происшедшие в жизни русского крестьянства в 1961 г., было невозможно. По этому поводу К. Валдемар в октябре 1862 г. писал, что «тысячи из уволенных солдат, торговых людей, евреев и путешественников сообщают латышу и эстонцу все эти раздражающие известия»¹⁸.

Когда в октябре 1862 г. в лавке рижского купца Минуса появилось в продаже Положение от 19 февраля 1861 г. «О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», то рыцарство, по предложению генерал-губернатора, ассигновало 500 рублей на скупку 260 экземпляров на латышском языке¹⁹. Но процесс, начавшийся в умах крестьян, остановить уже было невозможно.

В газете «Московские ведомости» ее редактор, известный публицист Михаил Никифорович Катков, сообщал читателям, что в 1863 г. латышские крестьяне во главе с коллежским ассессором господином Бесбардисом составили верноподданнический адрес на имя императора Александра II, где следующим образом обрисовали сложившуюся ситуацию:

«Дворянство нашей земли, заявляя пред престолом свое расположение и преданность, упомянуло о недавнем присоединении ее к России, о различии наречия и учреждений в остзейских провинциях, и тем, может быть, привело кого-нибудь к мысли, что между нами и Империей нет и не может быть тесного единства. А наше бесприютное обезземленное положение, наш, можно смело сказать, невольнический труд, наши неоднократные попытки к выходу из него посредством переселений, наши стремления к своему национальному умственному развитию в литературе дают повод заподозрить нас в расположении к своеволию и в холодности верноподданнических чувств. Не случайно присоединены мы к России, а Провидение вверило нас могущественной деснице Русского Царя; в нашем наречии мы находим родство со славянскими племенами; а различие учреждений, отделяющих нас от коренных русских подданных, удручает нас болезненным сожалением. Мы желали бы устранения этих преград; мы желаем, чтобы нам дано было слиться в одну семью с великим русским народом. Это мы считаем нашей судьбой и нашим призванием»²⁰.

Хенрик Стродс раскрывает одну из конкретных причин переселения: «На двух тысячах пурвиетас (одна пурвиета, или пурное место, равнялась 0,4 га) в поместье Дерево, купленном К. Валдемарсом, можно было поселить 400 крестьянских семей, продавая каждой по 50 пурвиетас. Так как в Новгородской губернии одна пурвиета стоила около 5 рублей, а в Курляндской – 20–401 рублей, крестьяне стали переселяться

¹⁸ Козин М. И. Указ. соч. С. 87.

¹⁹ Там же. С. 86–87.

²⁰ Московские ведомости. 1865. № 256. С. 1–2.

в Новгородскую губернию»²¹. В России переселенцы надеялись обрести землю и улучшить свои условия быта.

Как отметил президент Латышского союза евангельских христиан-баптистов доктор Янис Шмидтс, «Это было трудное, но одновременно славное время, когда на Великой Руси отменили крепостное право. На землю Новгородскую прибыл латыш Кришьян Валдемарс и купил здесь землю для переселенцев-земляков. На его призыв переселиться в Новгородскую землю отозвалось более 600 семей. Среди них было очень много верующих»²².

В нехитром багаже первых поселенцев-латышей обязательно была Библия на родном языке, напечатанная старинным готическим шрифтом. В некоторых семьях она до сих пор является самой дорогой семейной реликвией и передается из поколения в поколение.

В это время в Новгородскую губернию приехали и баптисты, и лютеране, и «духовные христиане», а точнее – «библейские христиане», так как веровать они начали благодаря не баптистской церкви, а школьному учителю Михаелю Гамбургеру, который изучал и толковал Библию и распространял ее в крестьянских домах²³. Верующие вели оживленную церковную работу и проповедовали Евангелие своим соотечественникам.

Первые баптисты приехали в Новгород из Латвии в 1863 г. Они появились в Любене и поместье Дерева Крестецкого района (в настоящее время Чудовский р-н. – А. К.). Эта дата является отправной исторической точкой переселения баптистов. Согласно М. Козину события развивались следующим образом:

«В 1863 году Кришьян Валдемар купил свыше 500 десятин необработанной, но годной для обработки земли, расположенной вблизи станции Любань Николаевской железной дороги. В конце того же года через «Peterburgas Avizes» он объявил о продаже этой земли небольшими участками по 15 рублей за десятину. Валдемар в своей публикации подчеркнул: для того чтобы основать двор в 30–35 десятин, надо иметь наличными от 1000 до 1500 рублей. В течение лета 1864 года к нему являлись покупатели, в большинстве латыши, постепенно приобретавшие участки. Однако в декабре запросы на продающуюся землю столь возросли, что удовлетворить их за счет приобретенного Валдемаром участка уже было невозможно»²⁴.

В одном из предложений Кришьяна Валдемара сообщалось: «Продается дача, имеющая весьма красивое местоположение на берегу р. Тигоды, Новгородской губернии и уезда, Пельгорской волости, 8 верст от Любани, первой большой станции от С.-Петербурга по Нико-

²¹ *Strods H. Latviesli zemnieku ... 11 lpp.*

²² *Шмидтс Я. Э.* Выступление в Великом Новгороде на юбилее, посвященном 135-летию первой зарегистрированной церкви ЕХБ на Новгородчине 12.09.2004 // *Международная христианская газета.* 2004. № 11(74).

²³ Там же. С. 350.

²⁴ *Козин М. И.* Указ. соч. С. 119–120.

лаевской железной дороге. Земли 95 дес. 1550 саж. (30 дес. сенокоса, 2 дес. пашни, 10 десятин болотистого леса, 52 десятины леса соснового, отчасти строевого, елового и березового); дом о 4 комнатах, сарай, скотный двор и пр.»²⁵

Вскоре в этих местах, по соседству с баронами Пистолькорс в Пельгорской волости, организовались с. Тигода, д. Смердынь и д. Древняя Грустина, заселенные латышами. С тех пор прошло много времени, но и сегодня, проезжая по Петербургской трассе в д. Ушаки Тосненского района, можно увидеть указатель населенного пункта «Красный латыш».

Архивные источники свидетельствуют, что переселение латышских семей происходило в разные годы. Так, Кристофор Индрикс Мешреб переехал вместе с семьей в Новгородскую губернию в 1856 г. по паспорту и проживал в Коломовском обществе (д. Зуево Чудовского р-на. – А. К.) в 9 верстах от села Чудова на земле Федора Михайловича Дерункова. Всего в этом обществе насчитывалось тридцать семей. Тот же документ сообщает, что Янн Витольберг прибыл с семьей в село Тигода в 1864 г.²⁶

«Весной 1865 года Валдемар купил в 80 верстах от станции Чудово Николаевской железной дороги два имения – Дерево и Ульяново площадью более 5600 десятин за 38 000 рублей. Эта сумма была покрыта частично за счет денег, полученных от крестьян, частично путем залога имения, а остаток долга Валдемар взял на себя. Купленные земли Валдемар намеревался продать крестьянам небольшими участками»²⁷. В мае, особенно в середине и к концу месяца, как сообщает Валдемар, «по воде и по суше различными путями прибывали тысячи латышских крестьян, не имевших никаких средств и устремившихся в Петербург и Новгород. В имении Дерево и его окрестностях были заполнены все жилые и нежилые постройки, сотни крестьян с женщинами и детьми искали себе пристанища в лесах, хотя в тот год вплоть до середины июля стояла необычайно холодная погода»²⁸.

Оказать помощь этим несчастным людям, которые шли в Россию за «новым счастьем»²⁹, Валдемар был не в состоянии. За исключением 300 человек, которые остались в имении Дерева, крестьяне рассеялись по Новгородской, Петербургской и Псковской губерниям в поисках работы и аренды. Большая часть людей вернулась совершенно разоренной в Курляндскую губернию, частью добровольно, частью была возвращена силой. Однако прекратить подобными методами переселенческое

²⁵ Кузнецова Т. А. «В Россию – за новой счастливой жизнью...» (Переселенческая кампания латышей в Новгородскую губернию в последней трети XIX века) // Новгородский архивный вестник. 2002. № 3. С. 71.

²⁶ Ведомость о находящихся в Новгородской губернии перечисленных латышах, составленная от 10–16 янв. 1872 г., по Новгородскому уезду // ГАНО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 64. Л. 17–29 об.

²⁷ Козин М. И. Указ. соч. С. 120.

²⁸ Козин М. И. Указ. соч. С. 122.

²⁹ Кузнецова Т. А. «В Россию – за новой счастливой жизнью...»... С. 74.

движение было невозможно, так как побуждением к переселению были не политические мотивы, а нужда и безземелье. Спасаясь от голодной смерти, крестьяне собирались в партии от 50 до 200 человек и пешком, на подводах и на лодках пытались добраться до Петербурга и других губерний. Но на всех важнейших дорогах из Прибалтики были выставлены воинские посты.

Жандармские офицеры вынуждены были доносить в Третье отделение Министерства внутренних дел, что «переселенцы находятся в крайне бедственном положении, не имеют не только средств к возвращению на родину, но даже к ежедневному пропитанию и притом крайне изнурены», что они говорят: «Мы лучше умрем от пуль солдат, чем дома от голода»³⁰.

По наблюдениям Хенрика Стродса, к середине 60-х гг. из Курляндии в Новгородскую губернию переселились 1542 крестьянина, т. е. 51,8 процента всех переселенцев. Остальные желающие переселиться были в основном батраки, которые не имели денег для покупки земли и устройства хозяйства. Они вернулись обратно в Прибалтику³¹.

Для более состоятельных крестьян возможность переезда в Россию сохранялась и позже. В 1869 г. в газете «Новгородские губернские ведомости» сообщалось, что в Крестецком уезде все еще продаются земли, «принадлежащие Коллежскому Ассессору Христиану Мартыновичу Валдемару, состоящие в усадьбе Дерева, с господским домом, службами и имеющеюся в доме движимостью <...> пустошь Подгорная, земля при деревне Филиппове, при деревне Брагин остров, пустошь Осина, лесная дача Усадища Дерева, при деревне Муратове, при деревне Беглове»³².

Тяжелое положение крестьянства не могло не волновать передовых людей Латвии. «Эпохой национального пробуждения» называют движение младолатышей. Одним из первых выразителей младолатышского отношения к аграрной проблеме стал известный латышский публицист А. Спагис, который в 1860 г. отметил, что в «Видземе и Курземе господствовали помещики, там был рай для священников, а для крестьянства – ад»³³. Эту ситуацию он называл «социальной», подчеркивая тем самым общественную значимость данной проблематики. Идеалом аграрных отношений, согласно концепции Андреяса Спагиса, было существование большого количества мелких крестьянских хозяйств, класса земельных собственников. Андрейс Спагис, подобно Кришьяну Валдемару, был сторонником формирования класса собственников в среде латышского крестьянства: он считал, что ситуация в аграрной сфере улучшится, если крестьянин будет собственником земли, «имеющим

³⁰ Козин М. И. Указ. соч. С. 123.

³¹ Стродс Х. Основные этапы и причины начала массового переселения латышских крестьян в другие губернии России в 40–60 гг. XIX в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 198–199.

³² Новгородские губернские ведомости. 1869. № 28. С. 192.

³³ Spagis A. Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland. Leipzig, 1863. S. 4–7.

своих наследников, которые окажутся в состоянии использовать свою долю земли и наследства с пользой»³⁴.

Другой идеолог национального движения, Юрис Алунанс, указывал на необходимость решения вопроса через наделение крестьян землей. В связи с этим весьма показательна его статья «Несколько слов о батраках». В ней он писал, что с батраками в латышской деревне сложилась во многом негативная ситуация, при которой им «кое-чего не добавляют, чинят обиды, а к скотине относятся лучше». Вместо этого он призывал «посылать их в свободное время в церковь, давать полезные книжки об уходе за садами и пашнями». Важную роль в изменении жизни крестьян он отводил «газетам и разумным книгам»³⁵.

Кришьян Валдемар называл сближение «латышского племени с великим русским отечеством истинно народным делом» латышей. За русский язык как средство сближения латышского и русского народов агитировал ближайший соратник Валдемара, педагог, фольклорист и писатель Ф. Бривземниекс, призывая своих соотечественников «стремиться к тому, чтобы русский и латышский народы, по возможности, сблизить в духовном отношении».

Те же мысли высказывал Иван Спрогис: «Латыши призываются к самому теснейшему братскому единению с великим и славным русским народом. Никто не осмелится оспаривать, что в этом новом, самими латышами сознательно возбужденном и русскими людьми одобряемом стремлении к наитеснейшему внутреннему единению с русским народом лежит их лучшее будущее»³⁶. К ним присоединили свои голоса секретарь Рижского латышского общества, впоследствии педагог И. Крауклис, а также историк и педагог Каспар Биезбардис: «Мы, латыши, члены Рижского латышского общества и блажелатели латышского народа, от лица своих единомышленников заявляем, что латыши прежде всего должны и хотят научиться языку своего отечества – языку русскому»³⁷. «Я глубоко уверен в том, – писал языковед Атис Кронвалд, – что латыши разовьются, их жизнь расцветет именно под защитой России»³⁸.

Подобные мысли высказывали в те годы общественные деятели, педагоги и литераторы братья Каудзит, Матеру Юрис и другие. Латышские поэты-романтики Аусеклис и Пумпурс в своих стихах и поэмах проповедовали те же идеи о сближении с русскими, латышские общественные деятели выступали по этому вопросу в русской печати. Активными пропагандистами становились народные учителя, которые использовали любой повод для разъяснения того, насколько необходимо латышам изучение русского языка. Напомним, что без

³⁴ *Spagis A.* Die Zustaende des freien Bauerstandes in Kurland. Leipzig, 1863. S. 39.

³⁵ *Allunans J.* Daži vardi par kalpiem // *Mājas Viesis*. 1856. № 8.

³⁶ *Зорин И. Н.* Занимательная история латвийских русских. Рига, 2007. С. 81–82.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

активной поддержки русских прогрессивно мыслящих либералов это движение было бы задавлено остзейцами на корню.

Как уже было сказано выше, еще в 1863 г. в защиту латышей начал выступать Михаил Катков, ставший тогда редактором крупнейшей в России газеты «Московские ведомости». Он писал статью за статьей против онемечивания латышей, требовал наделения латышских крестьян землей. В своей газете он много рассказывал о переселении «тысячи латышей Дундагской волости в валдемаровское новгородское имение “Юлианово”, близ Чудовской станции»³⁹.

В 236 номере газеты от 28 октября Катков в передовой статье снова возвращается к «инсинуациям “Рижской газеты”, к ее обвинениям Валдемара – издателя латышской газеты “Петербургас Авизес” и организатора переселения латышских крестьян в Новгородскую губернию. Катков опровергает утверждения немецкой газеты о том, как крестьяне проклинают Валдемара за его инициативу переселения, и приводит свидетельство новгородского лютеранского пастора Рейтлингера, а также предводителя дворянства Крестецкого уезда А. А. Татищева о том, как довольны переселившиеся крестьяне и качеством земли и инициативой Валдемара»⁴⁰.

«Мы сами также слышали, – пишет далее Катков, – от предводителя дворянства Крестецкого уезда, Новгородской губернии, что латыши, поселившиеся в имении г. Вальдемара, совершенно довольны своей судьбой и не знают, как благодарить его. Таковы показания, которых достоверность несомненна...»⁴¹.

Можно предположить, что успешному устройству переселенцев способствовало и то обстоятельство, что Новгородским губернатором тогда был лютеранин Эдуард Васильевич Лерхе⁴².

³⁹ *Инфантьев Б.* Малоизвестные страницы жизни и деятельности Крипьяна Валдемара // *Русский мир и Латвия: Альм.* 2009. Вып. 19. С. 47–60. В письме к К. Валдемару Рейтлингер, в частности, писал: «Уважаемый г. Вальдемар! Латыши вашего имения Дерево пригласили меня удовлетворить их духовные потребности. По видимому они имеют ко мне доверие... С сожалением читал я в газетах направленные против вас поношения, тогда как я, напротив, слышал теперь от поселенных у вас латышей, что они совершенно довольны как качеством земли, так и вашим образом действий с ними. Таким образом, вина, по видимому, должна быть на недовольных, которые должны приписать все несчастье только собственной своей поспешности и собственному своему легкомыслию. Но праведный Бог воздаст каждому по делам его. Да будет это вашим утешением среди незаслуженных вами страданий» (*Московские ведомости.* 1865. № 236. С. 2).

⁴⁰ *Инфантьев Б.* Указ. соч. С. 55.

⁴¹ *Московские ведомости.* 1865. № 236. С. 2.

⁴² Лерхе Эдуард Васильевич (1823–1889) – новгородский губернатор (1864–1882). При нем в Новгородской губернии были проведены судебная и земская реформы, открыты реальное и техническое училища, мужская прогимназия, учительская семинария и несколько сельских школ. Содействовал благотворительности, обустройству школ, улучшению быта арестантов. Был председателем созданного 17 мая 1868 г. в Новгородской губернии общества попечения о больных и раненых, позднее переименованного в губернское общество Красного Креста.

Как и в любом новом большом деле, не обошлось и без трудностей. В мае 1867 г. губернатор Эдуард Лерхе в своем выступлении в Земском собрании рассказал о сложностях в переселенческом движении и указал ряд причин, их порождавших: «...во-первых, латыши обманом поселены на необработанные земли, для приобретения которых употребили почти все наличные деньги, во-вторых, они не будучи до сих пор причислены к обывателям Новгородской губернии, несут весьма тяжелые повинности и уплачивают из последних средств недоимки, начисляемые на них без всякого контроля обществами, из которых они вышли, но еще не отчислены административным порядком»⁴³.

Вскоре чиновник особых поручений губернатора Кутузов посетил поселения латышей и переселенцы выразили ему свое «желание непременно остаться в Новгородской губернии». Священник Деревского погоста Григорий Домкинский в беседе с ним подчеркивал «стойкость характера» и «необыкновенное трудолюбие» латышей.

После этого губернская управа решила в очередной раз оказать помощь и выдать латышам краткосрочную ссуду из запасного губернского капитала в сумме 2280 рублей с обязательством вернуть эти деньги из «урожая нынешнего года в начале зимы». Губернские власти в помощи колонистам видели «упрочение быта и привлечение нового поселения латышей в губернию» и поэтому не могли отказать им в финансовой поддержке. Более того, государство поддерживало переселенцев и компенсировало затраты местных управ, которые оказывали финансовую помощь крестьянам. Так, 14 ноября 1869 г. последовало Высочайшее распоряжение «о возврате Новгородской управе из сумм государственного казначейства 14 950 рублей, выданных ею [управой] поселившимся в Крестецком уезде латышам на земле, купленной ими от Валдемара»⁴⁴.

В течение последующих шести лет после переселения латышские баптисты не только организовывали свой быт, но и занимались устройством баптистских общин. Проповедники активно вели работу и в среде лютеран, многие из которых принимали новую веру и образовывали баптистские общины. В 1869 г. в местечке Любене была основана первая баптистская церковь из латышей. В том же году состоялась первая государственная регистрация верующих баптистского исповедания, а также других общин. Вся эта работа находилась в ведении нескольких пресвитеров: Екабса Инкиса, Яниса Пукукалиса, Андреяса Каленбергса и др.

Вскоре «...с разрешения Губернского Правления... были открыты баптистские латышские общины: Новгородская, Николаевско-Березовская, Нащинская, Кречновская, Коломовская – Новгородского уезда; Бугровская, Любенская и Лажинско-Клобучинская – Крестецкого уез-

⁴³ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 35. Л. 124 об –126.

⁴⁴ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 4. Л. 273 об.

да»⁴⁵. Евангельские и баптистские общины были признаны государством в 1879 г. так называемым «Маковским циркуляром». До этого их браки и рождение детей не считались законными, а многие гражданские права, такие, как право на наследство, не признавались.

Политика властей в отношении баптистов и евангельских христиан отличалась крайней непоследовательностью. С одной стороны, к ним применяли суровые репрессии, с другой стороны, шли навстречу или на послабления. Наиболее примечательным был уже упомянутый нами ранее циркуляр от 15 августа 1879 г., который гласил:

«Государственный Совет в Департаменте законов и общем собрании, рассмотрев представление Министерства внутренних дел о духовных делах баптистов, положил: В дополнение подлежащих статей Свода законов постановить: Баптисты на основании статьи 44 Основного государственного закона беспрепятственно исповедуют свое вероучение и исполняют обряды веры по существующим у них обычаям. Общественное богослужение они отправляют в устроенных ими или отведенных ими для сего с разрешения губернатора домах.

Избираемые баптистами духовные наставники – старшины, учителя, проповедники – могут совершать обряды и произносить проповеди не иначе как после утверждения их в сем звании губернатором. Духовные наставники из иностранцев обязаны принести присягу на верность службе во время пребывания их в России. Метрические записи браков, рождения и смерти баптистов ведутся местными гражданскими властями...»⁴⁶.

Газета «Рижский вестник» от 9 мая 1883 г. сообщала, что баптистов в России около 12 тысяч и «местами распространения баптизма в России служит юг России, Царство Польское и Прибалтийский край. К прибалтийским баптистам нужно еще отнести последователей баптизма, живущих в Петербурге и в губерниях: Новгородской, Псковской, Витебской».

Статистические сведения за 1874 г. указывают, что в 1872 г. в Новгородской губернии проживало колонистов: мужчин – 737 человек, а женщин – 742; всего 1479 персон⁴⁷.

Документы Новгородской губернской земской управы за 1884 г. показывают, что «деревня (поселок) Огарево находится в 22 верстах от станции Чудово Николаевской железной дороги и населена латышами протестантского вероисповедания, поселения которых тянутся версты на три; деревня Деревя при реке Оскуе расположена в 27 верстах от станции Гряд, населена латышами протестантского вероисповедания, поселения тянутся на несколько верст; Деревня Любень при реках Лю-

⁴⁵ Союз латышских баптистских общин Новгородской губернии официально организован в 1907 г. (Архив союза ЕХБ Латвии; Архив РОЕБЦНО. Ф-ЛБ8. С. 15).

⁴⁶ Цит. по: Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру. СПб., 1912. С. 285–287.

⁴⁷ Памятная книга по Новгородской губернии за 1874 г.: Статистические сведения о Новгородской губернии.

бени и Оскуйе в 31 версте от станции Гряд, населена латышами протестантского вероисповедания»⁴⁸.

Основателями Любенской баптистской общины были Анна и Янис Визули, владевшие наделом земли 35 десятин и 10 десятин при усадьбе Дерева⁴⁹.

В 1873 г. первым пресвитером в Новгородской губернии был рукоположен Андрейс Каленбергс. После него пресвитерами были: А. Араюмс (1875–1890), А. Германсон (1882–1890), Е. Инкис (1890–1899), Ф. Буценс (1896–1904), Ю. Пукукалис (1901–1910).

В начале XX в. латышские переселенцы начали организовывать сельскохозяйственные общества, о чем сообщал «Вестник Новгородского земства»:

«В короткое время, в течение какого-нибудь полугода, читатели “Вестника Новгородского земства” узнали об открытии Ново-Николаевского и Чудовского сельскохозяйственных обществ; теперь же приходится сообщить еще об открытии Второго Нащинского сельскохозяйственного общества, состоявшемся 20 ноября текущего года в курляндском поселке “Вторые Нащи”.

На учредительном собрании избрано было правление общества, в состав которого вошли: председатель М. Малинин, товарищ председателя – Ф. Буцель, секретарь К. Каленберг, казначей А. Бред, и членами совета К. Гравинский и Я. Янсон <...>

Остается только пожелать распространения в Новгородской губернии подобных обществ, имеющих цель заботиться о реальных нуждах и изыскивать способы, могущие поднять благосостояние населения»⁵⁰.

Не забывали латышские крестьяне-баптисты и о духовных исканиях. Присущий латышам прагматизм превратился в новое духовное пробуждение на Новгородской земле.

В начале XX в. было создано Новгородское объединение – Союз церквей латышских баптистов. Руководителем Новгородского союза с 1907 г. был Янис Бебрис, а с 1912 г. духовными наставниками всех этих общин стали уроженцы города Либавы Ян Кристопов Янсон и Индрикис Зупинь.

В списке населенных пунктов Новгородской губернии находим, что в поселке латышей Дерева существует молитвенный дом (баптистов) и школа, а в поселке Любень только молитвенный дом⁵¹. Автору довелось беседовать с местным лесничим А. Н. Рудиным, который рассказал, что «помнит этот молитвенный дом в д. Дерева, он был постро-

⁴⁸ Материалы по статистике Новгородской губернии. Крестецкий уезд. Новгород, 1884. С. 31.

⁴⁹ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Крестецкий уезд. Новгород, 1899. С. 183–184.

⁵⁰ Вестник Новгородского земства. 1902. № 3. С. 42.

⁵¹ Список населенных мест Новгородской губернии. Крестецкий уезд. Новгород, 1909. С. 66–69.

ен на берегу реки, и мы заходили в дом, но там уже в то время не было никаких служб. Этот дом не был похож на наши русские церкви».

В Дмитриевском, Березовском и Николаевском поселениях латышей в 1878 г. была организована община баптистов под названием «Никольские дачи». В 1894 г. в ней открылась воскресная школа, в 1895 г. начал функционировать молодежный кружок. В период с 1887 по 1892 г. в этом латышском обществе существовало две баптистские церкви.

С увеличением числа общин последовала и их государственная перерегистрация в 1912 г.:

«В Департамент Духовных Дел. Вследствие отношения от 16 сего января за № 371, возвращая при сем прошение баптистов Лажинской волости, Крестецкого уезда, Давида Аунса, Индрика Розенталя и др., уведомляю Департамент Духовных Дел, что в 1912 году с разрешения губернского правления, были открыты баптистские латышские общины: Новгородская, Николаевско-Березовская, Нащинская, Кречновская и Коломовская – Новгородского уезда. Бугровская, Любенская и Лажинско-Клобучинская – Крестецкого уезда. Духовным наставником всех этих общин тогда же... был утвержден мещанин города Либавы Ян Кристопов Янсон»⁵².

Зарегистрированный имперской властью Союз латышских баптистских общин Новгородской губернии просуществовал с 1907 по 1921 г. Именно в эти годы во всех общинах активно стала развиваться работа с христианской молодежью. Первые же молодежные кружки в Люболядах и Кречно были организованы еще в 1895 г., а воскресные школы в 1886 г.

В 1913 г. объединение латышских общин на Новгородчине торжественно отпраздновало 50-летие латышских общин евангельских христиан-баптистов. С праздничным настроением проводились многие мероприятия евангелизационного характера. Новгородское объединение посетили многочисленные гости, проходили торжественные богослужения и концерты. Общины в Новгороде посетил епископ Янис Инкис, проживавший в Латвии. 19 мая 1913 г. в сопровождении пастора Яниса Янсона епископ Янис Инкис посетил Любенскую общину.

К славному юбилею было приурочено открытие церковного здания в д. Ермолино. Огромное деревянное здание, выкрашенное в желтый цвет, сразу же привлекло к себе внимание многих проживавших в округе жителей.

Освящение молитвенного дома состоялось 3 июня 1913 г. Управляющий общины Янис Бебрис засвидетельствовал, что Дом молитвы, стоивший 4000 рублей, был построен благодаря самоотверженной поддержке членов общины⁵³. В первое время община называлась «Никольские дачи», а с постройкой молитвенного дома «Табор» стала называться «Табор», в переводе на русский язык – «Фавор».

⁵² Копии архивных справок Латвийского союза ЕХБ находятся в архиве РОЕБЦНО.

⁵³ Из справки Латвийского союза ЕХБ. 2004.

Новгородские латыши-баптисты выпускали объемистый детский журнал, «Swebtdeenas Skolneeks» («Воскресный ученик»), который печатался в Риге и распространялся по общинам в России.

На 1 января 1914 г. в Новгородской губернии проживало верующих протестантского исповедания 9667 человек; баптистов только в Новгородском и Крестецком уездах насчитывалось 1471 человек⁵⁴.

29 мая 1914 г. было зарегистрировано первое Новгородское объединение – Союз церквей латышских баптистов: «... постановлением Губернского Правления была открыта объединенная Община Латышских баптистов Новгородского и Крестецкого уездов»⁵⁵. Иначе говоря, образовался своего рода союз новгородских баптистов. В этом же году, 4 августа, был утвержден также Совет общины из 12 человек во главе с председателем Яном Янсоном, в который вошли представители всех латышских общин. Позднее к Союзу примкнул ряд баптистских общин: Кунинская, Дерево-латышская и община на хуторе Любень Чудовского уезда, которая в то время насчитывала до пятидесяти человек. По соседству с ней образовалась Теремец-Курляндская община в местечке Теремец и община в деревне Мясной Бор. Община «Табор» (более раннее ее название – Николаевско-Березовская) объединила в себе верующих из Николаевского, Березовского, Дмитриевского и Ермолинского обществ. Она была одной из самых многочисленных.

Сравнивая сводные таблицы полицейских управлений, можно увидеть тенденцию к увеличению численности протестантов и баптистов в Новгородской губернии в 1915 г. Если в 1913 г. протестантов было 9667, то в 1915 г. их уже насчитывалось 14 654 человека. В двух уездах (Новгородском и Крестецком) баптисты увеличили свою паству только на 100 человек, с 1471 до 1575 человек⁵⁶.

В тяжелых условиях Гражданской войны баптисты продолжали с ревностью, несмотря на опасности, совершать свой труд и собирать «духовный урожай». В журнал «Гость» то и дело приходили весточки о работе на «полях». А. Ф. Назаров из деревни Чистый бор Новгородской губернии пишет: «Имею честь благодарить за святую Библию с картинками. Когда мы ее получили, дети и я спели благодарственную песню. Тяжелое время, но я теперь не нуждаюсь ни в чем, потому что Господь Пастырь мой и святая Библия у меня. В нашем селе пятьдесят домов и из всех приходят к нам желающие посмотреть и читать Библию. Будьте уверены – старание ваше не будет даром»⁵⁷.

Несмотря на послевоенные и послереволюционные трудности и неразбериху, союзы собирали съезды, на которых избирались благовестники, работали солдатские палаточные миссии. Христианский

⁵⁴ Обзор Новгородской губернии за 1913 г. Новгород, 1914. С. 218.

⁵⁵ ГАНО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 143. Л. 30.

⁵⁶ Обзор Новгородской губернии за 1915 г. Новгород, 1916. Табл.

⁵⁷ Гость. 1918. № 9. С. 138.

журнал сообщал: «Благовестник М. К. Дрямин из Новгородской губернии писал, что с 17 октября 1919 г. по 31 мая 1920 г. он побывал в 88 селах и городах, провел 129 собраний для детей и 199 – для взрослых»⁵⁸. Дрямин был членом Никольской общины «Габор», которая находилась в д. Ермолино в семи километрах от Новгорода.

Одна из новгородских газет спустя двадцать лет сообщала, что «эта духовная секта (новгородские баптисты. – А. К.) развернула бешеную работу в первые годы после Октябрьской революции и всеми мерами стремилась втянуть в свою секту батрачество, сперва “божьем словом”, а затем подачками: одеждой, обувью, овцами, поросятами, даже крупным скотом. Действовали и на молодежь, подкупая лакомствами и гостинцами»⁵⁹.

В общинах баптистов повсеместно соблюдалась строгая дисциплина, работали воскресные школы, различные кружки; вся христианская жизнь устраивалась так, чтобы развивались церкви и увеличивалось количество тружеников, причем служители из латышей были многочисленны и ревностны в труде на Новгородской ниве.

Местная газета в те годы с сарказмом сообщала о «Молитвенной неделе баптистов» следующее: «На днях в колонии Любень, Межниковской волости, нашего уезда состоялась “неделя покаяния и отпущения грехов”. Инициаторами были представители Московского объединенного Совета религиозных общин и групп сектантов-баптистов. Они обратились к гражданам с горячим призывом покаяться в грехах, дабы отвлечь гнев Всевышнего, который выражается в переживаемых событиях. Молебствие продолжалось шесть дней, многие из граждан начали высказывать грехи публично. Проповедники заставляли граждан молиться на коленях до трех часов»⁶⁰.

Согласно исторической справке научного сотрудника Новгородского музея А. Семенова от 20 января 1958 г., «баптистов (признающих крещение только взрослого человека, а не младенца) было много в латышских поселках в Новгородском районе. Баптизм распространялся и среди русского городского населения – в Новгороде, Старой Руссе, Малой Вишере, Боровичах. В 1920-х годах число баптистов было наиболее высоким и доходило до 10–12 тысяч человек. В те годы баптисты развили энергичную деятельность. В городах были открыты Молитвенные дома. На реке Волхове, Полисти и Мсте устраивались публичные процедуры крещения взрослых. Появилось много баптистских проповедников, среди которых были молодые из числа латышей и эстонцев из Новгородских поселков»⁶¹.

В самом Новгороде было несколько баптистских общин. Одна из них собиралась на богослужения в доме № 1 на Артиллерийском плацу (сегодня это территория рядом с Драматическим театром), другая – на

⁵⁸ Слово Истины. 1920. № 3. С. 23.

⁵⁹ Звезда. 1939. № 14. С. 3.

⁶⁰ Звезда. 1921. № 121. С. 2.

⁶¹ ГАНО. Ф. Р4110. Оп. 4. Д. 77. Л. 2.

Крестьянской (Сенной) площади, дом 10. Особенно успешно проходила благовестническая работа с 1918 по 1924 г., когда труд благовестителя церковью осуществлял пресвитер Екабс Дубельзарс. Справка из журнала «Гость» наглядно показывает, что новгородцы с желанием и со всей серьезностью относились к благовестию. И в этом особенно важном деле наставники и служители мотивировали верующих, чтобы они жертвовали на служение для распространения святого Евангелия на Северо-Западе.

Из статьи в христианском журнале «Гость» видно, что пожертвований в фонд благовестников «Дома Евангелия» в Санкт-Петербурге в 1918 г. отослали: Фаворская (Таборская) Латышская община – 258 руб. 6 коп., Люболядская Латышская община – 93 руб., Латышское собрание в Новгороде – 20 руб., Русские собрания в Новгороде – 86 руб. 54 коп., К. Грикман – 82 руб., Я. Грикман – 40 руб., NN – 100 руб., С. Клейншмит – 10 руб., Б. Заульс – 20 руб., А. Михеева – 3 руб., К. Сприценек – 5 руб., П. Меднис – 10 руб., Ж. Кукит – 20 руб., И. Дубельзар – 10 руб., И. Матцуль – 10 руб., К. Ласман – 20 руб., М. Шмит – 20 руб.⁶²

Обстоятельность и трудолюбие латышей проявлялись не только в религиозных вопросах, но и в практической повседневной жизни. В газете «Звезда» в рубрике «Новгородская деревня» говорится, что «русским крестьянам нужно учиться у латышей вести сельское хозяйство. В избах латышей – чистота и опрятность. Около избы увидишь небольшой цветник, во дворе соблюдается чистота, скот содержится в хороших, просторных хлевах – навоз не накапливается в хлеву, а почти каждый день вывозится за хутор – на поле.

Во всех уездах Новгородской губернии имеется: 60 латышских колоний с 1103 хозяйствами <...> Латыши стараются использовать каждый кусок земли, старательно обрабатывают землю, большое внимание обращают на развитие крупного рогатого скота, который дает им масло, творог, сыр в большем количестве, чем у русских. Любовь к хозяйству дает латышу хороший доход, который идет на улучшение своего хозяйства, на приобретение машин и орудий»⁶³.

В «Истории евангельских христиан-баптистов в СССР» сказано: «К сожалению, они (латыши) не проповедовали на русском языке, что ограничивало их свидетельство»⁶⁴. Тем не менее, исследуя архивные материалы, мы обнаружили тесную связь латышей с русскими общинами верующих не только в Новгороде, но и в других городах и областях. В 1907 г. ответственный служитель в Новгороде Кузьмин писал руководителю евангельских христиан Проханову:

«Милый брат Иван Степанович, сообщаю вам вкратце о моей поездке по деревням. В течение 18 дней я посетил 10 деревень, где прошло 18 общений. Они начинались и заканчивались молитвой и пением стихов. Со мною посещал собрания хор братьев и сестер из

⁶² Гость. 1918. № 8. С. 128.

⁶³ Звезда. 1927. № 193. С. 6.

⁶⁴ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 368.

латышей. Народу всегда собиралось очень много... Приходилось много беседовать после собрания и разъяснять, так что все были довольны и говорили, что это Господь вас прислал, и просили опять посетить их... Я был очень рад, что Господь позволил свидетельствовать о Его любви с дерзновением. Проповедь при полной тишине сильно действовала на слушателей, так что много проливалось слез. Многие благодарили. Я обещал после нового года быть вдвоем с братом Путихон, хотя и в этот раз он был со мной, наставник баптистов латышей, который хорошо переводит с русского на латышский и немецкий. Деревни, в которых я был, являются частью Новгородского, а частью Крестецкого уездов»⁶⁵.

О совместном служении свидетельствуют и совместные съезды. Так, в 1909 г. на Всероссийском съезде в Ростове-на-Дону делегатом от баптистских общин Новгородской губернии был Ю. И. Блюмберг⁶⁶. В 1920 г., с 27 мая по 6 июня, в Москве, в здании Московской общины баптистов на ул. Покровской, д. 12, проходил Всероссийский съезд евангельских христиан и баптистов. Новгородскую губернию представляли К. Х. Гравинский – блюститель Союза 12 новгородских латышских общин и М. К. Дрямин – из Никольской общины «Табор»⁶⁷.

Ярким доказательством работы латышей с русскими является запись в протоколе членского собрания Таборской латышской общины от 14.07.1929 г.: «Брат Михаил Давидов, из русского народа, рассказывает, как познал истину и как Господь его нашел. Выслушав его свидетельство, братья и сестры понимают, что он вполне отдался Господу, и потому община единогласно приветствует его, как брата»⁶⁸. Разумеется, Давыдов не учил латышский язык для того, чтобы ему прийти и покаяться; если бы общины были только латышскими, русскому человеку там было бы делать нечего. Новгородская община баптистов была смешанной по своему составу, и в ней совместно трудились русские и латышские братья и сестры, о чем стало известно нам из протокола дела 1928 г. «По обвинению Павлова Бориса Николаевича и др.»: «Собрания баптистов проходили в Пролетарской слободке д. 16 в квартире Давыдовой Софьи Григорьевны (район центрального рынка. – А. К.). Председателем Новгородской общины состоит Эспенберг Михаил Густавович... Секретарем состоит Васильева Клавдия Семеновна... казначеем избрали Юрма-лен Юлию Яковлевну». В этой общине руководила «работой среди женщин Кутейникова Елизавета Николаевна»⁶⁹, а Иван Николаевич Риттих был книгоношей.

⁶⁵ Братский листок... 1907. № 12. С. 8–9.

⁶⁶ Баптист. 1909. № 22.

⁶⁷ Архив РСЕХБ, протокол съезда.

⁶⁸ ГИАНО. Ф. Р138. Оп. 3. Д. 5. Л. 11.

⁶⁹ Христианская поэтесса. Печаталась под псевдонимом Донская, настоящая фамилия Ламберт-Кутейникова. До революции 1917 г. училась и работала в Англии, потом трудилась в Новгороде. Пребывая на духовном поприще, руководила женскими кружками в новгородской церкви ЕХБ. В 1924 г. выехала в Латвию, в Риге в Храме Спасения в русскоязычной церкви исполняла обязанности руководителя женского служения. Печаталась в разных христианских газетах и журналах. Произведения: От мира к Богу: Сб. стихотворений. 1930; Окно в сад. Женева. 193?; Под сенью креста: Сб.

Новгородские евангельские христиане-баптисты тесно сотрудничали в деле проповеди Евангелия с латышами из Люболяд, Нащей, Дубровки, Ермолинского, Николаевского, Березовского общества, а также с евангельскими христианами из Старого Шимска, Станции Шимск и Старой Руссы.

Когда в 1928 г. в Люболядах были открыты кратковременные музыкальные курсы (по организации оркестров и регентскому делу), на учебу приехали со всей губернии представители разных общин и национальностей, всего шестьдесят человек. Благодаря финансовой поддержке Союза латышей-баптистов для русской общины баптистов в Старой Руссе на улице Силина, д. 29, был построен молитвенный дом. Сотрудничество латышей-баптистов и Новгородского союза евангельских христиан было исполнено глубокой и братской любви.

Новгородские баптисты были представлены и в Северном союзе в Петербурге, который возглавляли пресвитеры «Дома Евангелия»⁷⁰ – вначале В. Фетлер, а потом И. Н. Шилов. Епископ К. Х. Гравинский был председателем латышского отдела. И. Я. Леварт – секретарем Союза⁷¹. Как рассказала на допросе Анна Звей, «...после ареста и высылки Калныня и Клаупика обязанности проповедника принял на себя... Ласман»⁷². Юлиус-Альфред Карлович Калныня (1885–1963), по образованию учитель, с 1924 по 1930 г. епископ латышских церквей, опекал общины Новгородской, Ленинградской, Саратовской и Смоленской губерний, общины Новгорода и Ленинграда. Жил в д. Вторые Нащи, примерно в 15 км от Новгорода, в 1931 г. за проповедь Евангелия был осужден и выслан на 10 лет в Сибирь. Э. А. Клаупик – служитель новгородской общины – после начавшихся притеснений уехал в Ленинград, где несколько лет совершал служение в должности пресвитера в «Доме Евангелия». В 1933 г. он был осужден и сослан в Караганду⁷³.

Последний блосститель латышских церквей Альберт Янович Ласман (1894–1938) – по образованию фармацевт, проповедник Новгородской общины с 1919 г., работал заведующим аптекоуправлением г. Новгорода. В 1930-х гг., когда закрыли молитвенные дома и выслали многих служителей, Альберт Ласман «до последнего времени не порвал связи с баптистскими общинами, систематически посещал Латвийские колонии», – так записано в протоколе допроса 1937 г. Подследственный А. Ф. Тилюк сообщил на допросе, что «в 1934 году Рождество отмечали на квартире Ласмана». На тот момент Ласман проживал на «Крестьян-

стихотворений. Женева, б. г.; Париж, 1949; Отзвуки тяжелой години: Сб. стихотворений. Париж: Дом книги, 1949.

⁷⁰ Васильевский остров, 24 линия.

⁷¹ Баптист. 1927. С. 18.

⁷² Архив УФСБНО. Д. 1а/4224. Л. 249.

⁷³ Эрнест-Андреевич Клаупик (1899–15.08.1956) – пресвитер, рукоположен в 1923 г. в Новгороде. С 1930 г. служил в Ленинграде, потом два раза был осужден, умер в России. Арестован и 27.02.1934 г. приговорен к 3 годам концлагерей, вторично арестован в Уфе и 29.12.1939 г. приговорен к 5 годам ссылки. Отбывал ссылку в Казахстане (Санкт-Петербургский мартиролог духовенства и мирян).

ской площади, д. 10, жил он на втором этаже... Работал он заведующим аптекой № 1 г. Новгорода».

«Я припоминаю, что Ласман был баптистом и занимал в этой секте руководящую роль. В его квартире часто собирались баптисты, где они проводили свои богослужения. Собирались у него на квартире много народу, латыши и русские, в основном приезжие из районных хуторов», – такие записи сделаны в протоколе допроса в 1957 г.: «Собирались в квартире Ласмана баптисты совершенно открыто, это я сам видел, так как мое место работы было в этом доме на первом этаже», – показал свидетель Борис Смелков в декабре 1957 г. «Жили мы на Крестыанской площади, где был базар по средам, пятницам и воскресеньям. Еще до приезда моего в этот дом, – продолжил свидетель, – примерно в 20-м году на месте моей квартиры в доме был зал, где собирались баптисты на моления»⁷⁴. Действительно, в квартире Ласмана был зал для богослужебных собраний, но сам Ласман проживал на Екатерининской набережной⁷⁵.

Зинаида Ивановна Ослонова (1907 г. р., русская) в 1958 г. рассказала: «Я знала Плацен Мину и Ласмана Альберта, с которыми проживала в одном доме... Плацен М. и Ласман А. были набожными людьми. В нашем доме была молельня, которую они систематически посещали. Ласман иногда исполнял обязанности проповедника... Я также часто посещала их моления»⁷⁶. «Альберт Ласман, – утверждал другой свидетель в 1958 г., – был очень скромным, культурным, вежливым человеком. Плацен также была тихая женщина. Не помню, до какого года рядом с квартирой Плацен была баптистская молельня, куда собирались баптисты, в том числе Альберт и Плацен, и устраивали богослужения. Потом эту молельню закрыли, и в зал были помещены две семьи»⁷⁷. «...К работе он относился добросовестно. Его арест в 1937 году... для нас, аптечных работников, был большой неожиданностью. Был он человеком религиозным – баптистом. Свою религиозность он не скрывал»⁷⁸.

14 января 1938 г. Ласмана расстреляли. Вместе с ним расстреляли двадцать верующих-баптистов, из них пять женщин⁷⁹. Все они принадлежали новгородской, ермолинской и несколько человек любоядской общинам. Приговор был приведен в исполнение в Новгороде, где были захоронены вместе с Ласманом⁸⁰ и все остальные.

⁷⁴ Архив УФСБНО. Д. 1а/4224. Л. 326.

⁷⁵ Там же. Л. 324.

⁷⁶ Там же. Л. 331.

⁷⁷ Там же. Л. 333.

⁷⁸ Там же. Л. 338 об.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Альберт Янович (Иванович) Ласман*, 1894 г. р., уроженец Новгородской губ., латыш, образование незаконченное высшее, беспартийный, бывший баптистский проповедник, зав. конторой аптекоуправления, проживал: г. Новгород. Лишался избирательных прав в 1931 г. Арестован 3 декабря 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратурой СССР 30 декабря 1937 г. приговорен за «шпионско-повстанческую деятельность» к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Новгороде 14 янв. 1938 г. Место захоронения: г. Новгород (Книга памяти Новгородской обл.; Ленингр. Мартиролог: 1937–1938).

Из протоколов видно, что во всех приговорах были представлены нелепые и спешно сфабрикованные обвинения, вот одно из них: «Тиллюк Минна Ивановна, 1899 г. р., латышка, беспартийная, рабочая столовой, проживала в Пригородном лесопункте. Арестована 4 декабря 1937 г. Обвинялась в том, что “в 1936 г. приняла задание организовать отравление рабочих путем вливания отравляющих веществ в котел с супом в столовой Новгородского кирпичного завода в момент начала военных действий Латвии с СССР”». Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 30 декабря 1937 г. приговорена как член «латвийской шпионско-повстанческой организации» к высшей мере наказания. Расстреляна в Новгороде 14 января 1938 г. Согласно записи в заключении судебной коллегии, арестованные «...являлись участниками контрреволюционно-латышско-повстанческой группы, проводили антисоветскую агитацию среди населения Новгородского района, вели подготовку к совершению террористических актов против руководителей партии и правительства»⁸¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 13 сентября 1958 г. определила: «Постановление комиссии НКВД и прокурора СССР от 30 декабря 1937 г. в отношении А. Я. Ласмана (всего 20 человек, приговоренных к расстрелу) отменить и дело за отсутствием состава преступления производством прекратить».

В начале 30-х гг. богоборческой властью Советов все общины Новгородчины были ликвидированы, молитвенные дома отобраны, а затем большая часть верующих, как латышей, так и русских, была репрессирована. Подобным образом, «фактически стопроцентно, репрессиям всех видов подверглись новгородские служители религиозного культа всех конфессий»⁸². Бесспорно, массовые репрессии распространялись прежде всего на носителей религиозной идеологии. Однако они не смогли уничтожить само религиозное сознание. Как показала Всесоюзная перепись 1939 г., две трети населения страны считали себя верующими. И это после ряда нескончаемых репрессивных мер «безбожной пятилетки». Многие авторы соглашаются с тем, что пропаганда добилась главного – на щит были подняты архаичные и глубоко догматичные черты общественного сознания, тяготеющие к единообразию, подчинению единой верховной воле. Второе важное завоевание – создание благоприятного фона для утверждения «воинствующего атеизма». Официально баггистское движение на Новгородчине прекратило свое существование в 1930-е гг.

Прошли годы, но и сегодня в Новгородской области можно встретить немало смешанных семей, где имена русские, а фамилии латышские. Латыши женились на русских девушках, латышки тоже выбирали себе спутников жизни по зову любви, а не по крови. Тем более, что люди самых разных национальностей здесь всегда жили в согласии и дружбе.

⁸¹ Архив УФСБНО. Д. 1А/4224; Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. 1994. Т. 3.

⁸² Книга памяти... 1999. Т. 8–9. С. 281.

В июне 2013 г. новгородскую и пестовскую церкви посетила редактор латвийского журнала «Воскресное утро» (Svētdienas Rīts) Инга Реча. Редакция этого лютеранского издания находится в Риге. Латвийская журналистка приехала, чтобы взять интервью у Валентины Спрингис, старейшей жительницы Новгородской губернии и потомка латышей-переселенцев. Валентина Матвеевна Спрингис является членом пестовской церкви ЕХБ, ей уже пошел 93-й год, но она, бодрая и окрыленная встречей с Ингой Реча, все говорила и говорила на латышском языке, как будто пила живительную воду после долгого и утомительного перехода по пустыне. «Это просто удивительно для меня, – восхищалась Инга, – Валентина говорит по-латышски без акцента...» После интервью мы спросили: «Валентина Матвеевна, вы, скорее всего, чувствуете себя так, словно на родине побывали?» – «Нет. Моя родина здесь, в Дубровке Батецкого района, недалеко от Люболяд и Нашей». Валентина Спрингис весь свой долгий век прожила в России, больше половины жизни посвятив преподаванию в школе. К 90-летию Валентины Матвеевны в местной газете «Наша жизнь» № 29 от 29.03.2011 г. о ней была напечатана статья. «Скромная, исполнительная, ответственная учительница математики всем пришлась по душе, – пишет о ней ее бывший директор Любовь Мурашова. – Ее врожденный учительский дар и профессионализм вызывали уважение и восхищение и коллег, и учеников».

Справедливо и пророчески в свое время подметил М. Катков: «Пройдут, может быть, десятки лет, прежде чем <...> русские латыши на своем родном наречии услышат призыв обращать свои взоры к России. Справедливо сказано: *Ingenia studiaque oppresseris facilius quam revocaveris* (Таланты и стремления легче, пожалуй, подавить, чем возродить). Но особенно прискорбно то, что все благоприятные для России направления в среде наших инородцев или инородцев претерпевают злоключения, а неблагоприятные преуспевают...»⁸³.

В настоящее время церкви ЕХБ Новгородчины собраны в Региональное объединение евангельских и баптистских церквей области, которое входит в состав Российского союза евангельских христиан-баптистов. Сегодня, как и много лет назад, проповедь Евангелия звучит по всей древней Новгородской земле. Евангельские христиане-баптисты, гонимые за свою веру, никогда не преследовали инакомыслящих, но, служа Богу и ближнему, всегда стремились распространять Царствие Божие в людских сердцах, учить библейским принципам жизни в любви, прощении и добре.

⁸³ Московские ведомости. 1865. № 226. С. 2.